

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Когда погиб мой отец, мне было 15 лет, поэтому мои воспоминания о нем носят детско-юношеский характер. Помню маленьким спрашивал отца почему его так назвали. На это он отвечал так. Мать его была глубоко верующим человеком, и, когда он родился, она понесла его к попу крестить. Священник спросил ее, как она хотела бы назвать своего ребенка. На что мать предложила ему самому выбрать имя. Тогда поп открыл святцы и нашел ближайший день, названный в честь святого. Это оказался день святого Антонина. Так младенцу и было присвоено имя. Сам я, правда, эту версию не проверял. Но всегда можно сказать, что поп был подслеповат.

После женитьбы 9 января 1966 года мои родители жили в городе Кимры Калининской области, где и познакомились ранее. Там же в Кимрах родился и я в октябре 1966 года. Им дали квартиру в новостройках, в так называемом микрорайоне. В начале 1967 года отец получил квартиру в Новгороде. Новгородского периода своей жизни я не помню, потому как в конце 1969 года семья переехала путем обмена в Ленинград. Мы занимали две комнаты в коммунальной квартире в Климовом переулке около Египетского моста через Фонтанку - напротив гостиницы Советская (теперь отель Азимут). Тот район я вспоминаю с ностальгией. Детский сад, первый класс, появление брата. В 1975 году отцу, как ветерану войны дали новую трехкомнатную квартиру на Гражданке, и жить мы стали значительно лучше. Отец стал много печататься и зарабатывать. Но все оборвалось 9 октября 1981 года, в воскресенье, когда доставили телеграмму о гибели отца...

Отец утонул в октябре месяце, тело же нашли только в мае. Пенсию матери не платили, так как тело не было найдено. Узнав об этом, Абрамов позвал меня к себе на квартиру и, взглянув на меня, сказал: "Я думаю, что папа больше не вернется, поэтому передай матери вот этот конверт с деньгами». Я, надо сказать, не верил в гибель отца и в глубине души надеялся, что он вернется. Денег он дал много, по тем временам 300 рублей - это хорошая сумма. Это позволило матери перекантоваться со мной и братом несколько месяцев, пока не была назначена пенсия.

Как и все дети, я, конечно, любил своего отца. Он всегда защищал меня. Одно из первых воспоминаний в моей жизни: я катаюсь на коленях с ледяной горки, и какой-то пьяный дядька кидает в меня деревянную палку, которая очень больно бьет мне по коленке. Я - в слезы. Как же отец трепал того мужика, хотя тот был явно больше и сильнее!. И мужик, видимо в момент отрезвев и не на шутку испугавшись, как пацан, жалобно просит у отца прощения и скулит: дяденька, отпусти меня!

Отец мой очень любил ловить рыбу на перемет и часто брал меня с собой. Мы на удочку ловили ершей, а потом отец насаживал их на перемет. На следующий день на перемет ловились большие щуки. Отец любил путешествовать и, когда я подрос, брал меня с собой. Помню, как ходили мы в брошенную деревню Старухино. Там у отца похоронена была его мать, моя бабушка Дарья Семеновна. Умерла она в начале 30х годов от болезни ног, когда отец был совсем маленьким, но он ее помнил и, конечно, любил. Видимо именно матери он посвятил одно из самых сильных своих стихотворений "Мать".

Отец часто выступал на заводах и фабриках во время обеденного перерыва. Иногда он брал меня с собой. Я обычно сидел где-нибудь в зале и тоже слушал его стихи. Рассказывал он достаточно интересно. Особенно его стихи почему-то нравились женщинам. Когда он читал свою "Мать", некоторые даже плакали.

Когда я стал постарше, мы много спорили с отцом о политике. Мне всегда с детства казалось, что живу в самой прекрасной на свете стране. Может быть я, как сейчас говорят, был зомбирован коммунистической пропагандой, но тем не менее, я старался отстаивать свою точку зрения - видимо уж такой я спорщик по характеру. Когда мы вместе с ним слушали "Голос Америки" я все время твердил о том, что они все врут. Он же внимательно слушал и иногда говорил - тут они правду сказали и сразу обычно добавлял, что это просчет нашего политического руководства.

Мой отец никогда не был диссидентом в нынешнем понимании. Он считал, что недостатков у системы много, но можно улучшить положение дел, если придут более молодые энергичные руководители. Конечно, он видел, что мясо и колбасу можно было купить только в Москве и Ленинграде. Он видел как вымирают деревни в Новгородской области на его родине, переживал и как мог боролся. И не случайно он сошелся с Федором Абрамовым.

Отцу было очень важно привлечь внимание к проблеме вымирания русской деревни и нехватки продовольствия. Очерк "Пашня живая и мертвая" писал мой отец. Почему я могу утверждать это, потому что сам печатал его на пишущей машинке "Москва" (компьютеров тогда не было). Кое-какие правки вносил Абрамов. Без Абрамова, а он безусловно знаменитый писатель, Лауреат Госпремии СССР, очерк отца никогда бы не напечатали. Что же касается их взаимоотношений, то не могу сказать, что отец относился к Абрамову с подбострастием, как пишет Юрий Красавин в своей документальной повести «На разных уровнях» (В ней Красавин рассказывает о поездке по новгородчине Ф. Абрамова и моего отца, когда писалась совместная книга «Пашня живая и мертвая»; об отношениях тогдашнего руководства области к рауту творческих людей). Скорее отец относился к Ф. Абрамову с уважением, скорее как к дорогому гостю радушный хозяин или, может быть, как к своему пожилому отцу, как если бы тот вдруг приехал после долгих лет разлуки.

Абрамов же мне запомнился прежде всего своим проникающим взглядом. Посмотрит и, кажется, ему о человеке все ясно, все его мысли прочитаны. А может быть это потому, что был я тогда совсем юным и все мои мысли были написаны на физиономии.

Как я уже говорил, отец не был диссидентом, но иногда говорил, что Россия достойна лучшего политического строя и для меня это было в новинку. Дело в том, что само слово Россия тогда звучало по радио, телевидению и в школе крайне редко. Говорили Советский Союз, Советский народ, советские люди. Отец же пытался и в своих стихах, и в разговорах с людьми привлечь внимание именно к русской культуре, русской истории, к исконно русской религии. Так что в вечном споре между западниками и славянофилами он, безусловно, был на стороне славянофилов и даже меня назвал в честь древнерусского витязя Вадима, который дал Рюрику первый бой и был в том бою Рюриком убит. Как член партии он считался атеистом. Но и к православию относился весьма скептически, как к религии, которую принесли варяги.

Конечно, отец не был воинствующим атеистом, то есть не требовал сноса церквей, а наоборот восхищался мастерством и талантом древних русских зодчих и строителей, возводивших чудные православные храмы. Но уже тогда он смог разглядеть в служителях церкви, как сейчас говорят, бизнесменов. То есть люди формально принадлежат церкви, но совершенно не верят в Бога и его идеалы, а просто это их ремесло, такая у них работа. Это как у Высоцкого в песне "нет и в церкви все не так, все не так как надо" Кстати, Высоцкого отец очень уважал - с удовольствием слушал его песни на кассетном магнитофоне. Я впервые увидел кассетный магнитофон именно в руках отца. Из других писателей папа очень любил Есенина и Твардовского. Видимо с них и первого русского поэта Пушкина он и "делал жизнь свою" (как у Маяковского) То есть пытался "глаголом жечь сердца людей", привлекая их внимание к проблемам своей Родины. И, разумеется, в силу своего таланта это ему в какой-то мере удалось.